

Фазиль
Искандер

ДЕТСТВО
ЧИКА

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И86

Вступительная статья *Евгения Анатольевича Ермолина*

Художественное оформление *Наташи Портяной*

Искандер, Фазиль Абдулович.
И86 Детство Чика / Фазиль Искандер. — Москва : Эксмо, 2021. — 640 с. — (Коллекция классики).

ISBN 978-5-04-117130-8

Фазиль Искандер — писатель с потрясающим чувством юмора, удивительно тонко чувствующий психологию ребенка. «Детство Чика» — знаменитый цикл повестей, эпос об особенном, но настоящем, отличающемся от мира взрослых и увлекательном, полным доверия к окружающему миру детства. Вместе с озорным и пытливым парнишкой Чиком, любящим размышлять о жизни на кроне старой развесистой груши, окунитесь в беспокойную атмосферу школьной жизни, а также узнайте о первых жизненных уроках и попытках отстоять свое «я».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117130-8

© Искандер Ф.А., наследник, 2021
© Ермолин Е., вступительная статья, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

«Напряжение ума» как творческая миссия Фазиля Искандера

У писателя Фазиля Искандера уникальное положение в мировой литературе второй половины XX века. Лаконично обобщая, эту уникальность можно связать с особым местом разума в его системе представлений и художественном опыте. Искандер — апологет и рыцарь разума в безумном мире. Основа его авторского мирозерцания — своеобразный культ разума. Разум — его оплот и цитадель; дар богов и след традиции, память сердца.

Присмотримся к тому, как такие суммарно-синтетические формулировки реализуются в художественном мире Искандера, формируют ткань повествования в его прозе.

С одной стороны, разум у писателя максимально жёстко противостоит практически всякой иррациональности, столь модной в XX веке как литературная практика и способ понимания человека и мира.

Искандер категорически не принимает душевной мути, инстинктивной вовлечённости в поток жизни, эмотивного самодовления. Он исповедует *осознание* как норму жизни и творчества. В финале повести «Морской скорпион» писатель от лица героя-интеллектуала характерным образом заметил: «Дар жизни — это видеть, сочувствовать, осознавать, принимая всю неизбежную горечь жизни, которую приносит знание» [5].

Современник Искандера Андрей Битов (и не только он) пытался связать писателя с популярным трендом прозы второй половины XX века. Якобы Искандер даже «создал магический реализм» в нашей словесности [1]. Приведём характерное и более развёрнутое суждение в том же духе: «Абхазскому Борхесу удалось открыть всему миру свою родину как мифологизированную архаику — с её традициями, патриархальным укладом, специфическим ритмом жизни. При всех трудностях, которые преодолевают герои Искандера, “абхазский космос” становится уютным экзистенциальным пространством, в котором остаётся место для человеческого счастья» [8].

Такого рода прописка — это фатальное заблуждение, объяснимое, возможно, некоей южной аурой, инокультурной экзотикой изображаемой жизни в творчестве Искандера. Никакой связи с литературным магическим реализмом, кроме хронологического соседства, у Искандера нет. Магическое как предмет или метод повествования ему чуждо.

Особенно остро это фактически полное несовпадение фиксируется, когда магический реализм связывают (не без оснований) с концептом нового средневековья, как это делает, например, Руслан Головнин. В новейшей трактовке Головнина магический реализм, «возникнув как итог борьбы реализма и экспрессионизма, работая в двухярусной модели мира, перенял достоверное описание наблюдаемой реальности, включая дотошное перечисление окружающих вещей и событий, со всеми вытекающими подробностями, но с постоянным присутствием бытовой, мистической, рационально непостижимой неопределённости, достигающей пика в своём шизофазичном набрасывании слов, сквозь которое проглядывается особенность современного типа мышления, — калейдоскопического, коллажного мышления, разворачивающегося на поле мозаичной культуры, когда, казалось бы, дозволено всё».

Художественное мышление и убеждения Искандера предельно далеки от этого тренда. Если магические реалисты намечают иррациональную реальность «нового мира, чем-то похожего на Средневековье прошлого, идеально вписывающегося в миры, представленные на страницах Борхеса и Павича, такого же составного и барахольного», то Искандер рационализирует бытие, разыскивая в его недрах то, что можно назвать сосредоточенной работой разума [2].

В литературе родины магического реализма — Латинской Америки Искандеру иногда близок разве что бразилец Жоржи Амаду (прежде всего — в социально-реалистическом ракурсе творчества). А в литературе кавказской темы настоящие магические реалисты — это, например, Алан Черчесов или Чабуа Амирэджиби в «Горе Мборгали».

Ещё один преимущественно иррациональный ракурс в культуре XX века — контркультура. Искандер пребывает в непростых отношениях и с нею, в частности с советской контркультурой, хотя её волна несла его первую половину творческой жизни. Он не вполне солидарен с расхожей контркультурной апологией спонтанной искренности, душевного порыва, слишком близкие к элементарной сенситивности.

Но писатель вписывается в контркультурное движение эпохи на ином, более глубоком уровне. У него своё понимание естественности (базисного основания контркультурного движения), противостоящее прагматическому рацио. Искандеровский разум далеко не равен самодовлеющей рассудочности, поиску выгод и абстрактному умозрению. Естественно для правильно настроенного разума быть мудрым.

Разум этичен. Он руководствуется не практической целесообразностью, а законами совести. Извращение ума — хитрость.

Об этом писатель однажды говорил на встрече с журналистами «Известий»: «Человечество должно руководствоваться не

рационалистическими принципами, как сейчас происходит, а принципом совести. Ибо принцип совести выше принципа рационализма. Разум без совести может прийти к неразумному решению. Но совесть без разума не может прийти к неразумному решению. Она нащупает обязательно разумное решение, поскольку совесть — это разум души. Я думаю, что главная задача человечества — это выработать культ совести. Как оно выработало культ ума, который чаще всего на практике превращается в культ хитрости. Но совесть не признаёт никакой хитрости» [7].

Кроме того, по Искандеру, работающий разум — красив. Обретённая в интеллектуальном акте истина прекрасна.

В этом авторском кредо нетрудно усмотреть античный корень и связать творческие взгляды Искандера с калокагатией как гармоническим двуединством добра и красоты, сопряжённым с истиной. Отметим, однако, что эта гармония не сугубо иконична и далеко не всегда может случиться в мире Искандера вообще. Добро и красота у него не статичная данность, не есть что-то готовое, наперёд заданное; они — результат душевного и умственного труда.

Добро — ситуативный результат беспокойства совести. Красота не подчинена канону, а рождается как сильное впечатление от неотразимости добытой усилием истины.

Миссия художника для Искандера — прояснение, просветление мира. Нужно найти порядок в хаосе, образумить хаос. Этой теме посвящено его известное эссе «Пастернак и этика ясности». Позитивный полюс искусства — прозрачность смысла, говорит там Искандер. «Мы не можем превратить искусство в разговор глухонемых» [4, 419].

Это, по сути, миссия каждого человека, не только художника. В повести «Школьный вальс, или Энергия стыда» Искандер замечает: «Люди, не стремящиеся к ясности мышления <...> или

тем более стремящиеся к туманностям, могут рассматриваться как генетически повреждённые, увеличивающие мировой хаос вместо того, чтобы уменьшать его, что является прямой обязанностью каждого человека» [3].

Как происходит это «уменьшение» хаоса?

Проще всего — посредством предъявления положительного героя. Это естественный герой в противоестественном мире. Именно он реализует «прямую обязанность каждого человека» — уменьшать мировой хаос. Целый ряд таких героев представлен в его прозе. Это гениальная попытка ревизии соцреалистического клише с его идеологическими априори. У Искандера старый Хабут, Кязым, Колчерукий, Софичка — герои разумной меры и этической нормы. В иных жанровых координатах таков же Джамхух — Сын Оленя.

В общем-то, таков и его Чик, мальчик-мудрец. Философия детства у Искандера, начиная уже с «Созвездия Козлотура» и заканчивая его зрелой прозой, основана на представлении о том, что детский взгляд — это первый взгляд на мир, он возвращает нас к некоей первичной разумности. По этой логике, детство верит, что мир разумен, а всё неразумное — это помехи, которые можно устранить, стоит только повернуть нужный рычаг.

Особого рода героический позитив присущ в прозе Искандера интеллигенту. Герой такого склада у него — это, например, Виктор Максимович в «Стоянке человека». Что главное в образе такого героя? Не политическая фронда как таковая, не самодовлеющая способность к рефлексии, а стремление к осмысленной самореализации. Важнейшее качество Виктора Максимовича определено так: «Он был отличным собеседником, и я никогда не встречал ни в одном другом человеке такой размашистой широты мышления и снайперской точности попадания в истину». Вот что прежде всего отличает интеллигента (и делает его интеллигентом) по Искандеру [3].

Важно далее уточнить: действующий разум не только состояние отдельных героев. Это более общее явление, сказывающееся как универсальный метод, который используется как писателем, так и многими его персонажами. Применение этого метода работающего разума предполагает превращение предельно конкретного факта жизни, часто анекдотического, в повод для смыслопоиска, поиск в этом анекдоте работы смысла.

Чуть не всякий мелкий повод у Искандера тяготеет или влечёт к жизненной универсалии, к предельному обобщению. Ситуация универсализируется до качества притчи. (Хотя притча Искандера — опыт особого рода. Здесь ещё нужно подумать об её связи с традицией и авторской специфике.)

Искандер — психолог-рационалист. Человек для него существо в основе своей разумное. И в духе Просвещения, в духе XVIII столетия, он производит афористические наблюдения над природой человека, взятого как универсум — или заложника собственной (может быть, и ложной) логики. В «Морском скорпионе» у Искандера есть замечательное рассуждение, начатое так: «Каждый раз, делая выбор между личной выгодой и порядочностью, и делая его в пользу порядочности, мы в той или иной степени испытываем сожаление» [5].

Это замечание вписывается у Искандера в его теорию баланса (назовём её так). Он пишет о специфическом балансирующем движении в сознании человека; это балансирующее движение заключает в себе «пластический образ личности, побеждающей собственную низость». Или по-другому: «каждый наш частный человеческий поступок есть движение к истине или от истины». Нет готовых истин, есть необходимость выбора себя в каждой ситуации бытия.

Отчасти эти тезисы напоминают ситуативную этику выбора у Сартра, но, совершенно очевидно, без сартровской эксцентрики в стиле дзен.

Полюс негатива в модели человеческого поведения у Искандера — это, во-первых, ролевое торможение, рутинно-привычное выгрывание в заданную роль, подчинение рутине социальных ожиданий, ритуалов. Это источник глупости: «Миллионы взрослых людей могут делать одни и те же глупости, потому что это так принято»; «расти в сторону глупости», потому что так «жить легче», ради преференций или безопасности [6]. (Таковы размышления автора в новелле «Палермо — Нью-Йорк».)

Во-вторых, это предполагающая большую активность логика сделки, выгодного, прибыльного взаимообмена.

Существенные соображения на сей счёт мы находим у Искандера в рассказе «Ленин на “Амре”», вошедшем в книгу «Человек и его окрестности». По Искандеру, «человек живёт, преимущественно ориентируясь или на уколы совести, или на логику выгоды, пусть иногда и широко понимаю».

Раскрывая логику выгоды, он формулирует: «Человек, следующий логике выгоды, не склонен обращать внимание на уколы совести.

При этом чем шире логика выгоды, скажем якобы выгода всего человечества, тем глуше уколы совести. Человек, следующий логике выгоды, видит ясные стреловидные дорожные знаки, не подозревая, что это вытянутые змеи и они могут привести только к змеиному гнездовью.

Рационалистическая организация общества — это та же логика выгоды, разумеется широко понятая. Она всегда сводится к тому, что, прежде чем поднять человека, на него надо наступить.

Но если рационалистическая модель общества сводится к тому, что на человека надо наступить, прежде чем его поднять, не является ли само желание наступить на человека подсознательно первичным, а вся остальная модель разумного общества наукообразным оправданием этого желания».

В интерпретации Искандера Ленин освободил рацию от морали, прагмативизировал рацию. Писатель показывает, какой логический ход при этом был использован. «Учение Маркса его должно было ошеломить. Это был взрыв радостного самооправдания! Отныне он благодарно и ревностно будет до конца своих дней служить освободителю своей со- вести.

Если вся история человечества — это борьба классов, а гармоническое общество будущего — это победа пролетариата над буржуазией, то какая может быть вечная или тем более общечеловеческая мораль? Предстоит великая драчка! Вот, оказывается, почему всегда чесались руки, всегда хотелось бить по голове. Это дар прирождённого революционера.

В пустыне истории караван человечества должен дойти до оазиса социализма. Но караван может разбредаться, останавливаться, сворачивать. Нужен хороший погонщик с хорошим кнутом. Отныне он будет великим погонщиком каравана! Оставьте совесть и не оглядывайтесь на неё! Я знаю, где, когда и как! Вот о чём кричат его статьи и выступления».

В практике советского активизма, по Искандеру, «готовность к действию вытесняет и отодвигает рефлексию». Такой тип сознания он называет «уголовным»: «Наивное восхищение Ленина разбойником Камо, разбойником Кобой, пока тот в обличии Сталина не стал угрожать ему самому, провокатором Малиновским, пусть он и не знал, что тот провокатор, всё это выдаёт его с головой. Психическая примитивность и лёгкость на расправу всегда приводила его в восторг. <...> Сильный уголовник может долго обдумывать, как лучше ограбить кассу, но, сколько бы он это ни обдумывал, тут нет рефлексии, а есть попытка овладеть технологией своего замысла. Ленин был человеком уголовного типа сознания» [6].

В прозе Искандера происходит тщательная, изощрённая вербальная рационализация каждого момента или многих моментов

жизни персонажей. Автором производится расшифровка мотивов, логики побуждений, создаётся очерк жизни персонажа при свете разума (как в «Ленине на “Амре”» — параллельный, боковой сюжет о поведении если не умного, то стремящегося к тому юноши в красной рубашке, противопоставленного ленивому умом Бочо, катающему девушек на глассере).

Обратимся в этой связи к самому известному герою Искандера, дяде Сандро. В нём нет безмятежной простоты Кола Брюньона у Роллана или грека Зорбы у Казандзакиса — вроде бы близких ему персонажей средиземноморской культуры — или других носителей «народной правды», облечённых исконной праведностью (в том числе и в русской литературной традиции; скажем, у писателей-деревенщиков). Он сложнее и противоречивей. Согласно распространённому определению, это плут, трикстер, протей. Но и это не есть его природа, не есть статичная характеристическая константа. Сандро у Искандера строит себя на упомянутом балансе выживания, успеха (эвфемизмов низости) — и совести. Делает выбор. В этом смысле он вполне интеллигент. Сандро бездельник (потому что, может быть, в новом контексте дело, труд обесмыслились; абсурден советский труд как дело чести, славы, доблести и геройства). В этой позиции есть неприятие ангажемента, роли солдата эпохи.

Выбор Сандро безупречен. Он ускользает из эпохи, обходит давление власти и власть обычая. Размышляя о Сандро, можно найти нечто общее у него и у также ускользающего от эпохи Остапа Бендера в романах Ильфа и Петрова; но баланс у Бендера гораздо сильнее смещён в сторону успеха, выгоды.

Виктору Максимовичу в «Стоянке человека» приписан знаменитый искандеровский афоризм: «Бывают времена, когда люди принимают коллективную вонь за единство духа». Искандер — социальный пессимист. Скептик относительно возможности об-

разумить большое сообщество, страну. Моменты мудрой гармонии возможны только в локальном сообществе Чегема или мухусского двора, в дружеской компании, где всё основано на логике даров и солидарности, благодарности.

В русской литературе такие моменты братства, нужно заметить, вообще крайне редки, многие писатели второй половины XX века ещё большие пессимисты, чем Искандер. Характерные кульминации: одиночество героя у Георгия Владимова; моменты гармонии в аду у Анатолия Азольского (в «Окурках» покусанные жизнью герои собираются на скудную трапезу, чтобы расстаться навсегда) и Вен. Ерофеева (в «Москве—Петушках» симпозиум попутчиков на подъезде к Орехово-Зуеву обрывается в мрак и ужас).

В большом социуме разум неизбежно терпит поражение, причём власть умеет цинично и разум использовать в своих целях, строя ложные логические цепочки и подчиняя слабоумную покорную массу логике выгоды. Власть мафиозна, и всякая мафия пародирует ритуалы порядка и мудрости, подменяя мудрость хитростью.

В контекст искандеровского культа разума вписываются его юмор и сатира. Они суть следствия этого культа разума, а не его причина. По Искандеру, следствие встречи с абсурдом, неразрешимости противоречия между разумом и реальностью. Юмор у него основан на логическом парадоксе, на ложной или истинной догадке парадоксального свойства. Юмор — это разум, получивший предметный урок, при столкновении с неразумием.

Адепт разума в тотальном хаосе бытия становится сатириком. Это ответ на вызов исторического катастрофизма, абсурдного мира. Юмор абсурдистов — застывшая гримаса отчаяния. У Искандера это скорее преодолённый, побеждённый абсурдизм. С разумом в мире Искандера не покончено, он может терпеть временные поражения, но в итоге неизбежно побеждает. Не всё

в мире разорено, есть очаги смысла, по крайней мере, как он выразился однажды, «бастион моей головы».

В каком-то конечном счёте мир осмыслен, в нём есть предназначение, закон, порядок, гармония, иерархия.

Искандер даёт шанс выйти из постыдного упадка духа, декапитулировать. Отметим напоследок, что его проза имеет отзвук и в жизненной практике, и в актуальной словесности. В новейшей русской литературе XXI века есть мерцательное искандеровское начало. В «Рымбе» Александра Бушковского поморская озёрная рыбацкая деревня — аналог Чегема; эта параллель подробно развёрнута у прозаика из Карелии в ходе повествования. В «Днях Савелия» Григория Служителя главный герой, московский кот, — судья Москвы и москвичей с позиции высшего разума.

Евгений Ермолин

Список литературы

1. Андрей Битов: Искандер сам придумал магический реализм // <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/687552/cid/1/> (Дата обращения: 11. 12. 2019).

2. Головнин Р. Магический реализм: Борхес и Павич как предвестники Нового Средневековья // <https://katab.asia/2019/09/01/magic-realism/> (Дата обращения: 11. 12. 2019).

3. Искандер Ф.А. Золото Вильгельма. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2010. — 637 с. — http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146641 (Дата обращения: 11. 12. 2019).

4. Искандер Ф.А. Ласточкино гнездо. Проза. Поэзия. Публицистика. М.: Фортуна Лимитед, 1999. — 440 с.

5. Искандер Ф.А. Повести. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1989. — 415 с. — https://dom-knig.com/read_79699—123# (Дата обращения: 11. 12. 2019).